

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск V

Стояние на реке Угре 1480-2015

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2016

Редакция журнала:
К.В. Нагорный
В.В. Пенской
А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук О.В. Ковтунова
кандидат исторических наук А.Н. Лобин
кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков
кандидат исторических наук Е.И. Юркевич
Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480-2015 — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_5>

© www.milhist.info

© Володихин Д.М.

MILHIST

INFO

ББК 63.3

УДК 355/359(=512.1)

Володихин Д.М. “Царев приход” на Оку 1541 года

Данная статья посвящена отражению русскими войсками набега крымских татар на Оку в 1541 г. и существовавшей в то время системе обороны этой реки

Ключевые слова: XVI век, Крымское ханство, Московское княжество, сражения, Ока, 1541 год

Автор: Володихин Дмитрий Михайлович Доцент кафедры источниковедения и историографии Исторического факультета Московского государственного университета. В 2011 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме “Социальный состав высшего командования вооруженных сил России в 1530-1570-е гг.”. volodih@mail.ru

Литература, использованная в статье:

Карпов Г.Ф. Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508-1517 годах. — М., 1865.

Багалеи Д.И. Из истории колонизации степной окраины Московского государства. — М., 1887.

Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. — М., 1948. — Вып. 20.

Бурдей Г.Д. Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI веке (50-е-70-е годы): автореферат канд. дисс. — М., 1953.

Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года // Из истории межславянских культурных связей. — М., 1963.

Каргалов В.В. На степной границе. — М., 1974.

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. — М., 1986. — Ч.1. — Гл. 2, 3.

Александров В.А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI-XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. — М., 1979.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991.

Горбунов Б.В. К вопросу о направлениях экспансии Крымского ханства на южнорусскую «украину» в XVI в. // Проблемы новой и новейшей истории Востока. Материалы межвузовской конференции. — М.;Рязань, 1993.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х гг. XVI в. — М., 2007.

Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. — М., 2014. Изд. 2-е, испр.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. Книга III. — М., 1989.

Пенской В.В. «Царь крымский пришел ко берегу Оку-реки с великою похвалою и с множеством вьиньства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал. — 2011. — № 12.

Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. — М., 2010.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3

Ссылка для печатных изданий:

Володихин Д.М. “Царев приход” на Оку 1541 года [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 482-494 <http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3> (26.05.2016).

Volodikhin D. The Tzar's arrival on the Oka River in 1541

The article examines the military situation when the Russian troops under the Grand Prince of Moscow, Ivan IV Vasilyevich, had repulsed the raid of the Crimean Tartars on the Oka River region in 1541. The article also describes specifics of the Russian fortification defense line along the River

Keywords: sixteenth century; the Crimean Khanate; Moscow Principality; battles; the Oka River; the year 1541

Author: Dmitry M. Volodikhin is currently working as a fellow professor at the Department of History, Moscow State University. In 2011 he defended his doctoral dissertation titled "The Social Composition of the Russian Army's High Command, 1530-70s." volodih@mail.ru

References:

Karpov G.F. Otnosheniya Moskovskogo gosudarstva k Krymu i Turcii v 1508-1517 godah [Relations of the Moscow state to the Crimea and Turkey, 1508-1517 years]. — M., 1865.

Bagalej D.I. Iz istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva [From the history of colonization of the steppe borderland of the Moscow state]. — M., 1887.

Margolin S.L. Oborona Russkogo gosudarstva ot tatarskih nabegov v konce XVI veka [Defense of the Russian state from Tatar invasions in the late XVI century] // Voенно-istoricheskij sbornik. — M., 1948. — Vyp. 20.

Burdej G.D. Bor'ba Rossii protiv agressii sultanskoj Turcii i ee vassala Krymskogo hanstva v XVI veke (50-e-70-e gody) [The struggle of Russia against the aggression of the Sultan of Turkey and its vassal the Crimean khanate in the XVI century (50s-70s years)]: avtoreferat kand. diss. — M., 1953.

Burdej G.D. Molodinskaja bitva 1572 goda [Molodi battle 1572] // Iz istorii mezhsлавjanskih kul'turnyh svyazej. — M., 1963.

Kargalov V.V. Na stepnoj granice [On the border of the steppe]. — M., 1974.

Skrynnikov R.G. Na strazhe moskovskih rubezhej [On guard the borders of Moscow]. — M., 1986. — Ch.1. — Gl. 2, 3.

Aleksandrov V.A. Organizacija oborony juzhnoj granicy Russkogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVI-XVII vv. [The organization of the defense of the southern borders of the Russian state in second half XVI-XVII centuries.] // Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV-XVIII vv. — M., 1979.

Zagorovskij V.P. Istorija vhozhdenija Central'nogo Chernozem'ja v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI veke [The history of occurrence of the Central Chernozem region in the Russian state in the XVI century]. — Voronezh, 1991.

Gorbunov B.V. K voprosu o napravlenijah jekspansii Krymskogo hanstva na juzhnorusskuju «ukrainu» v XVI v. [To the question about the directions of expansion of the Crimean khanate in the southern Russian «ukraina» in the XVI century.] // Problemy novoj i novejshej istorii Vostoka. Materialy mezhvuzovskoj konferencii. — M.;Rjazan', 1993.

Vinogradov A.V. Russko-krymskie otnosheniya: 50-e – vtoraja polovina 70-h gg. XVI v. [Russian-Crimean relations: the '50s – the second half of the 70s. XVI century] — M., 2007.

Volodihin D.M. Voevody Ivana Groznogo [Voevodes of Ivan The Terrible]. — M., 2014. Izd. 2-e, ispr.

Penskoj V.V. «Car' krym'skyj prishel ko bregu Oky-reki s velikoju pohvaloju i s mnozh'stvom voinstva svoego...». Stojanie na Oke v 1541 godu [Standing on the Oka river in 1541] // Voенно-istoricheskij zhurnal. — 2011. — № 12.

Krom M.M. «Vdovstvujushhee carstvo»: politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka [Political crisis in Russia 30-40-ies of the XVI century]. — M., 2010.

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3

Reference:

Volodikhin D. The Tzar's arrival on the Oka River in 1541 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 482-494 <http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3> (26.05.2016).

Д.М. Володихин

«ЦАРЕВ ПРИХОД»

НА ОКУ

1541 года

К середине XVI века внедрение оборонительной системы Русского государства против набегов из Крымского ханства стало насущной необходимостью¹. Еще в начале XVI столетия предпринимать ничего подобного не требовалось. При Иване III Крымское ханство являлось союзником Московского государства и оказало неоценимые военно-политические услуги в борьбе Москвы с Великим княжеством Литовским. Хан Менгли-Гирей I, в отличие от государей Большой орды и Казанского ханства, пребывал в дружественных отношениях с Россией, а Большая орда после Угры (1480) ослабела и была далеко не столь опасна, как раньше, поэтому никакой обороны на юге страны налаживать не требовалось. Но при Василии III ситуация изменилась коренным образом. Отношения с Крымом испортились, Менгли-Гирей сделался союзником Сигизмунда I, который вел с Московским государством многолетнюю изнурительную войну. На протяжении первых нескольких лет после смерти Ивана III небольшие отряды татар появлялись на окраинах Московского государства, но столкновения с ними имели незначительный масштаб; производилась своего рода «разведка боем». Впервые Россия почувствовала серьезную военную опасность, исходившую со стороны Крымского ханства, весной 1512 года: южнорусские земли подверглись массированному нападению крымских *«царевичей»*. Именно с этого момента начала

В ряде случаев цитаты из русских источников XVI века даны в адаптированном виде. Такова принципиальная позиция автора: сложность прочтения не должна мешать восприятию текста читательской аудиторией, находящейся за пределами сообщества профессиональных историков.

складываться оборонительная система на Оке. С 1510-х годов русские полки начинают регулярно занимать позиции «*по берегу*», т.е. на Оке. Главными опорными пунктами русской обороны стали «города-штабы»: Калуга, Кашира, Коломна, Серпухов, Тула, а также, в какой-то степени, Зарайск, с 1550-х годов — Дедалов.

Мелкие набеги крымцев быстро сделались обыденностью. Раз в несколько лет происходил крупный крымский набег на южные земли Московского государства, или, как называли подобного рода акции в летописях и разрядных книгах — «*царев приход*», «*царевичев большой приход*», «*приход в силе тяжкой*». Подобные набеги при Василии III случались в 1512, 1514, 1515, 1517, 1521, 1527, 1531, 1532 и 1533 годах. Уже в 1520-х годах общая схема Окской обороны «*по берегу*» закрепляется на долгие десятилетия вперед.

При Иване IV большой «*царев приход*» 1541 года был первым в череде масштабных нашествий². К тому времени Окская система обороны уже устоялась. Как правило, пять полков весной выдвигались на Окский рубеж, а снимались с него осенью. Расстояние между фланговыми полками могло составлять 200 км и более. Вперед выдвигались «*сторожи*» — дозорные отряды. В тех случаях, когда намечался прорыв обороны крупными силами крымских татар, один из полков принимал удар на себя, а остальные спешили к нему на помощь. Подобного рода тактика диктовалась манерой действий самих крымцев: они имели возможность широкого выбора точки или точек нападения; притом направление прорыва могло быть изменено в любой момент: скорость и маневренность крымской конницы давала такую возможность ее командирам. Отсюда крайняя рискованность всей русской оборонительной конструкции для полка, который примет удар татар первым, так как развитие действий полностью зависело от расторопности боевых товарищей в остальных полках. Любое их промедление могло грозить гибелью.

В этом смысле характерным, рельефно показывающим достоинства и недостатки московской оборонительной тактики стало отражение нашествия крымцев на Оке в 1541 году.

Отражать его приходилось в обстановке политической розни. На Москве в ту пору было смутно. Великая княгиня Елена ушла из жизни еще в 1538 году. У подножия трона, занятого маленьким мальчиком,

воцарилось боярское правление. Придворные партии вырывали друг у друга кормило власти, по Москве прокатилась волна кровавых столкновений и убийств, в 1539 году митрополит Даниил был насильственно сведен с кафедры. Между 1538 и 1541 годами господствующее влияние получила аристократическая партия Шуйских, весной 1541 года, незадолго до набега крымцев, преимущество перешло к партии Бельских³. Соперничество группировок знати за влияние в делах большой политики и за возможность контролировать ключевые назначения вряд ли положительно сказывалось на обороноспособности государства.

По разрядным документам известно, что в 1541 году русская оборонительная армия вышла на Окский рубеж в традиционном составе: 5 полков. Большой полк под командой князя Д. Ф. Бельского (он же главнокомандующий всеми полевыми силами на Оке), князей И. М. Шуйского и М. И. Кубенского расположился, очевидно, где-то в районе Коломны. Передовой полк возглавляли князья И. И. Пронский Турунтай и В. Ф. Охлябинин; полк Правой руки — князь И. В. Пронский Шемяка и С. С. Беззубцев; полклевой руки — князья И. М. Троекуров и В. С. Мезецкий; Сторожевой полк — князья Ю. И. Темкин-Ростовский и В. В. Ушатый Чулок. Кроме того, общая расстановка сил зависела от гарнизонов соседствующих городов, и там тоже были поставлены крепкие воеводы. «У Николы Зарайского» (Зарайск) — князья С. И. Микулинский и В. С. Серебряный-Оболенский. На Рязани (за пределами города) стоял крупный отряд, возглавленный князем М. А. Трубецким. Трубецкому подчинялись младшие воеводы: С. И. Жулебин, Ю. Чавкин и князь Ю. И. Деев. На Туле гарнизоном командовали князь П. А. Булгаков и И. М. Хворостинин, а в Калуге — князь Р. И. Одоевский, коему подчинялись И. П. Федоров-Челяднин, С. К. Заболоцкий, а также князь М. Мавкин Умар⁴. Судя по количеству воевод, наиболее крупные воинские контингенты защищали Рязань и Калугу.

Об угрозе вторжения знали заранее. В Москву «...прибежали... ис Крыма два полоняника», сообщившие, что крымский хан информирован о стратегических трудностях обороны на южных границах России: часть государева двора и дети боярские 17-ти служилых городов оперировали в тот момент на Казанском направлении, невозможно было спешно перебросить их на Оку⁵. Из Москвы в Путивль к тамош-

нему наместнику Ф. Плещееву-Очину был отправлен приказ осуществить разведку. Разведчики обнаружили в степи «...*сакмы великие*»⁶. Станичник Алексей Кутуков принес в Москву «*с поля*» новое известие: он обнаружил врага «...*на сей стороне Дона на Сновах*». 21 июля князь С. И. Микулинский доложил из Зарайска: известия подтвердились, большое вражеское войско идет к Оке⁷. Бывшие крымские «*полоняники*» и русские станицы в степи передавали весьма тревожные сведения: крымский хан шел со своими людьми, «*царевичем*» Имином (Эмином), при поддержке ногайцев, турецкого отряда⁸, с мощной артиллерией и наемными стрелками с пищалями. Всего — более 100 000 бойцов. Счет вражеских сил производился в ту пору путем внешнего наблюдения и «*по сакме*» — конским следам, широкую полосу коих оставляла движущаяся армия. Разумеется, подсчеты эти нельзя считать в полной мере достоверными. Весьма вероятно, числа преувеличены. Однако ясно было, что крымцы шли «*в силе тяжелой*». Это, а также присутствие в армии вторжения самого крымского хана Сахиб-Гирея с сыном, да еще в сопровождении изменника — знатного аристократа князя С. Ф. Бельского — наводило московское правительство при малолетнем Иване IV на печальные мысли⁹. Очевидно, замышлялось большое нашествие вроде новой Батыевой рати, похода Едигея 1408 года или же великого нашествия крымцев 1521 года.

Полученные сведения вызвали перегруппировку оборонительных сил. Армию, сконцентрировавшуюся во Владимире для действий на Казанском направлении, всё же не тронули, но стали к ней стягивать отряды из отдаленных районов. На будущее она могла стать резервом для обороны Москвы, если на Оке Сахиб-Гирея остановить не удастся¹⁰. Значительный отряд под началом князя Ю. М. Булгакова был выдвинут в качестве заслона к Пахре. С ним отправился «*царевич Шигалей*» со служилыми татарами городецкими. Но основные силы во главе с князем Д. Ф. Бельским, как уже говорилось, встали под Коломной.

Где именно располагались все полки, помимо Большого, неясно. В Воскресенской летописи — наиболее достоверном летописном источнике по кампании 1541 года — говорится об отправке воевод в Серпухов и на Угру¹¹.

Начало оборонительной операции было положено 28 июля. Передовой отряд крымцев ударил по городку Осетр близ Зарайска¹².

Московский служилый человек XVI в.
Рис. Красникова А.В., 2016 г.

Тамошний воевода Назар Глебов с частью гарнизона и вооруженными горожанами неожиданно совершил вылазку против татар, когда враг входил на городские посады. Потеряв девятерых бойцов пленными, крымский авангард откатился¹³.

Татар допросили. Полученные сведения полетели в Москву.

В результате отряд князя Булгакова, стоявший в готовности на Пахре, был немедленно переброшен *«на берег»*, чтобы пополнить армию князя Бельского. Там его включили в Большой полк. На место сил Булгакова из Москвы выдвинулась часть государева двора во главе с князем В. М. Щенятевым и конюшим И. И. Челядниним.

Что показывает начальная фаза подготовки к отражению атаки крымцев? Во-первых, Москва научилась чрезвычайно быстро мобилизовать значительные силы. Во-вторых, гарантией от неожиданного нашествия служила глубинная разведка *«станицами»*, работавшая в степи на значительном расстоянии от Окского рубежа. В-третьих, пока крымцы не открывали направления атаки, обороной всего русского юга руководила Москва; лишь после выхода вражеской конницы на Оку в определенном месте необходимость принимать решения как можно быстрее делала центральной фигурой военного командования 1-го воеводу Большого полка в армии, стоящей *«на берегу»*.

В столице по-настоящему тревожились за южный рубеж. Где появятся крымцы? Предугадать невозможно. Приходилось расставить не столь уж большие (с учетом отсутствия армии, стоящей во Владимире) силы на огромной дистанции друг от друга. Русские полки и отдельные самостоятельные отряды оказались *«размазаны»* на колоссальных пространствах. От устья Угры до Серпухова по дороге — более 100 км. От Серпухова до Коломны — около 120 км. Таким образом, по самым скромным подсчетам, одна армия князя Д. Ф. Бельского прикрывала фронт протяженностью более 220 км! Притом ее правофланговый полк мог стоять и намного западнее устья Угры, а левофланговый — восточнее Коломны. Таким образом, протяженность оборонительного рубежа, если считать его по дорогам, могла достигать и значительно больших величин.

На всякий случай готовились к осаде в самой столице. Бояре думали даже вывезти государя-мальчика из города, основываясь на опыте Едигеева нашествия 1408 года, когда Василий I выехал из города и не сидел

в осаде. Но митрополит Иоасаф этот ход отсоветовал. Да и сам державный отрок Иван Васильевич предпочел остаться в городе, а не бежать из него. Москва во главе с освященным собором и самим митрополитом молилась у своих святынь об «...избавлении от нахождения ино-племенников». А ратные люди расставляли орудия по стенам, ставили по улицам надолбы, расписывали караульные команды.

30 июля Сагиб-Гирей вышел со всей ордой к Оке напротив Ростиславля¹⁴ и расположил ставку на холме. Русские полки самым скорым ходом двинулись к Ростиславлю, намереваясь защищать от татар переправы. Гарнизоны близких крепостей снимались для содействия основным силам. Пошел на неприятеля и князь С.И. Микулинский с маленьким зарайским отрядом, поскольку находился ближе других к месту возможного прорыва.

Ядро боевых сил Бельского (Большой полк) гарантированно не успевало занять окские переправы, к которым вышел Сагиб-Гирей. От Коломны до них — километров 30, если не более. Но более слабый Передовой полк князя Пронского — успевал, поскольку, очевидно, занимал позицию неподалеку от Ростиславля.

И, значит, ему оставалось намертво вцепиться в переправы, отбивая татар, пока не явится подкрепление. Полковой воевода знал, во что ему встанет сражение с превосходящим его по численности противником: если князь Бельский с Большим полком задержится, то вся рать князя Пронского ляжет на переправе.

Перед всей вражеской громадой оказался один полк, не имевший шансов победить. Люди, вставшие заслоном на пути крымцев, готовились к смерти. Незадолго до этого страшного стояния на Оке в армию пришла грамота, составленная от имени юного государя. Ее доставил дьяк И.Ф. Курицын. В грамоте обещалось «великое жалование» тем, кто защитит державу от чужой орды, а также семьям погибших; воевод просили крепко стоять за христианство, не имея между собой розни. Когда содержание грамоты стало известно не только военачальникам, но и всей армии, полки ответили: «Мы готовы, мы вооружились, хотим с татарами смертную чашу пить»¹⁵. Теперь настал черед выполнять сказанное.

Татары на лошадях, плотах и прочих средствах устремились к русскому берегу. Русские воеводы приказали отбивать их стрелами. По Оке поплыли мертвые тела.

Вторая попытка штурма сопровождалась пищальным огнем: наемники по приказу хана попытались свинцовым градом сбить полк с занимаемых позиций. Турецкие пушкари встали к орудиям, и в русских воинов полетели ядра. Крымцы вновь полезли в воду. Полк стоял, как мог. Дворяне один за другим падали с лошадей, и без того малые силы полка таяли.

Наконец, многострадальный передовой полк дрогнул. Русские конники стали понемногу отходить от берега, освобождая место татарам. И быть бы прорыву через Оку, но тут ему на выручку подоспел зарайский отряд Микулинского¹⁶. Крымцы опять несли тяжелые потери, опять против них стояли свежие войска. Перестрелка возобновилась.

Первый, самый страшный натиск вражеской армии удалось сдержать. Понемногу начали прибывать части Большого полка, явился вместе с главными силами и русский главнокомандующий, князь Дмитрий Бельский. Успели к месту прорыва полки Правой илевой руки. Не успел большой отряд князя Одоевского, шедший с Угры, из-под Калуги. Неясно, добрался ли прежде окончания военных действий Сторожевой полк: формулировки летописей разноречивы, что заставляет подозревать его в опоздании.

Легкие отряды из состава прибывших русских полков вышли к самому берегу. Доплывших до нашего берега татар секли топорами и саблями. Со стороны русских полков открыла огонь легкая артиллерия, «разбившая» несколько турецких пушек¹⁷. Московские ратники издевательски «просили берега» у татар, то есть требовали у крымцев освободить место на их берегу для битвы.

В ночь с 30 на 31 июля прибыл «большой наряд» — тяжелая московская артиллерия, и князь Бельский приказал ставить ее по берегу Оки и готовить для утреннего боя. Увидев большие пушки, поставленные перед строем московских полков, Сахиб-Гирей принял решение отступить. Утром 31 июля хан «побеже»¹⁸.

Поражение крымцев стало очевидным.

Они бежали на юг той же дорогой, какой пришли, «...с великим срамом... — по словам летописца, — бросив пушки и пищали, и телеги, и всякую рухлядь воинскую». Впрочем, другая летопись ограничивает русские трофеи лишь «телегами с запасом»¹⁹. Видимо, какая-то незначительная часть артиллерийского парка, испорченная 30 июля

успешным огнем московских пушкарей, была действительно брошена крымцами, но явно не всё: оставшиеся орудия хан еще использует в этой кампании.

Немногие крымцы беспечно остались, мечтая заняться грабежом ближних волостей. На них обрушился князь Микулинский, уничтожая последние татарские отряды у Оки.

Самым неугомонным оказался «царевич» Имин. Он «отворотил» от войск отца, ринувшись на «Одоевские места». Но тут его встретил местный воевода, князь Владимир Иванович Воротынский. Его контрудар и здесь опрокинул татар, а полсотни самых медлительных крымцев отправились пленниками в Москву.

От них стало известно, что Сагиб-Гирей все еще не смирился с поражением. Хуже воинской неудачи его жег позор: собрать великую армию и ничего не совершить с нею! Это роняло авторитет хана в самом Крыму. Да и высокий сюзерен — Турция — перестанет относиться к нему как к серьезной силе, если он сейчас отступит безо всякого успеха. Татарская знать, видя в бесславном отступлении поруху и своей чести, напомнила хану о Тамерлане: Железный Хромец ходил на Русь с огромным войском, но ограничился тем, что спалил и разграбил маленький город Елец. Так не взять ли на щит какой-нибудь русский городок, покрыв большой неуспех малой победой? «*Пусть не говорят, что хан приходил на Русь, но не учинил ей ничего*», — кратко передает летописец содержание их речей. Выбрали в качестве мишени Пронск, расположенный неподалеку.

Крымцы обложили Пронск, открыли по нему огонь из оставшихся пушек, пошли на штурм. Но маленький гарнизон во главе с Василием Жулебиным из боярского рода, исстари служившего московским князьям, встретил их ответной пальбой. Запершись в крепостице, горожане не уstraшили татар, приняв решение стоять насмерть. Крымские мурзы, видя большую убыль в бойцах, начали было переговоры с Жулебиным, обещая милостивое отношение, если воевода добровольно сдаст Пронск. Тот ответил: «*Божьим поущением город ставится, а без Божией воли кто может его взять? Хан же пускай помедлит под стенами еще немного: как раз идут по его следам государевы воеводы*». Сагиб-Гирей приказал готовиться к новому приступу. Жулебин в ответ вызвал всех, кто может носить оружие, на стены. С мужьями

пришли и жены. У маленьких башен складывали заостренные колья, которыми собирались сбивать татар с лестниц, и груды тяжелого камня, ставили котлы с кипятком. Тайком в Пронск пробрались семеро бойцов из отряда князя Микулинского. Они подали весть о скором подходе большой московской рати. Осажденные радовались доброй вести, ждали скорого избавления. Один из горожан попал тогда в плен к татарам. От него хан узнал о приближении русского войска. Не столь уж многое грозило крымцам: Микулинский располагал легким отрядом, прочие же воеводы не решились преследовать Сагиб-Гирея. Русские военачальники опасались покидать Окский оборонительный рубеж: не попробует ли противник под видом отступления перейти реку в другом месте? Но убоявшись новой неудачи, враг опять отступил, спалив осадные сооружения и уничтожив собственные пушки²⁰. Быстро переправившись за Дон, крымцы бежали, не останавливаясь.

Столица, да и вся Русь праздновала большую победу. Воевод, побывавших в деле, от имени государя-отрока щедро одаривали шубами, драгоценными кубками.

Стояние на Оке близ Ростиславля и последующие боевые действия 1541 года показывают, что за четверть века борьбы с Крымским ханством Московское государство создало мобильную военную машину, эффективно обеспечивающую оборону южных рубежей. Войска оборонительной армии действуют слаженно, быстро маневрируют, умело используют полевую артиллерию для укрепления Окского рубежа.

Однако при всем том продолжала существовать угроза прорыва татар в коренные земли Руси, и в Москве к ней относились со всей серьезностью.

Ссылки

¹ Русская система обороны от набегов крымцев и ногайцев в Поочье и к югу от Оки, сложившаяся в XVI веке, стала предметом изучения для целого ряда крупных специалистов. См. напр.: Карпов Г. Ф. Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1517 годах. — М., 1865 (вопросы организации обороны затрагиваются лишь частично, главная тема иная); Багалея Д. И. Из истории колонизации степной окраины Московского государства. — М., 1887. — С. 36–51 (лишь небольшая часть книги посвящена XVI столетию); Марголин С. А. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. — М., 1948. — Вып. 20; Бурдей Г. Д. Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI веке (50–70-е годы): автореферат канд. дисс. — М., 1953; Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 года // Из истории межславянских культурных связей. — М., 1963; Каргалов В. В. На степной границе. — М., 1974; Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. — М., 1986. — Ч. 1. — Гл. 2, 3; Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. — М., 1979; Загорский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991 (вопросы организации обороны затрагиваются лишь частично, главная тема иная); Горбунов Б. В. К вопросу о направлениях экспансии Крымского ханства на южнорусскую «украину» в XVI в. // Проблемы новой и новейшей истории Востока. Материалы межвузовской конференции. — М.; Рязань, 1993; Виноградов А. В. Русско-крымские отношения: 50-е — вторая половина 70-х гг. XVI в. — М., 2007 (вопросы организации обороны затрагиваются лишь частично, главная тема иная); Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. — М., 2014. Изд. 2-е, испр. (оборона Юга рассматривается через призму служебных биографий выдающихся воевод).

² «Стояние на Оке» 1541 года в разное время изучалось крупными историками. Так, например, С.М. Соловьев подробно пересказал, а в значительной мере просто процитировал дипломатическую переписку и летописные источники по данным событиям (Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. Книга III.— М., 1989.— С. 430–433); особое внимание уделил событиям 1541 года В.В. Каргалов (Каргалов В.В. На степной границе.— М., 1974.— С. 94–101); в связи со служебной биографией воеводы князя С.И. Микулинского их касался Д.М. Володихин (Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного.— М., 2014. Изд. 2-е, испр.— С. 141–146); в 2011 г. вышла статья В.В. Пенского, специально посвященная данной кампании (Пенской В.В. «Царь крымский пришел ко брегу Оки-реки с великою похвалою и с множеством вѣинѣства своего...». Стояние на Оке в 1541 году // Военно-исторический журнал.— 2011.— № 12.— С. 41–47).

³ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века.— М., 2010.— С. 272–275.

⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг.— М., 1977.— Том I.— Часть 2.— С. 295–296.

⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— Л., 1959.— Т. 8.— С. 295.

⁶ Имя командира разведывательной станицы — Гаврило Толмач (по другому, менее достоверному известию — Толмач Гаврилов). Станица занималась разведкой в июне, а 25 июня ее глава уже докладывал в Москве свои наблюдения: добравшись до Северского Донца, он видел «...многих людей крымских... а идут тихо». (ПСРЛ.— М.; Л., 1963.— Т. 29.— С. 40).

⁷ ПСРЛ.— М.; Л., 1963.— Т. 29.— С. 40.

⁸ Очевидно, речь идет о дополнительном контингенте из состава турецких городских и крепостных гарнизонов Крыма.

⁹ Воскресенская летопись // ПСРЛ.— Т. 8.— С. 296.

¹⁰ Возможно, русские полки из Владимира не стали перемещаться ближе к театру военных действий из-за соперничества аристократических группировок: князь Д.Ф. Бельский, возглавлявший силы на Оке, был политическим противником князя И.В. Шуйского — главнокомандующего в армии, сосредоточенной под Владимиром. В.В. Кагалов ошибочно считал, что владимирская рать была выдвинута, поскольку

«...правительство опасалось одновременного удара со стороны Казанского ханства, как во время нашествия 1521 г.» (Каргалов В. В. На степной границе.— М., 1974.— С. 96). В действительности же, Москва в 1541 году сама готовилась к большому походу на Казань, но затормозила подготовку наступательной операции из-за крымской угрозы.

¹¹ ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 8.— С. 296.

¹² Некоторые историки считают, что так в старину именовали сам Зарайск.

¹³ ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 8.— С. 296–297.

¹⁴ Ныне Ростиславля уже не существует. В XVI веке он находился недалеко от села Сосновка на юге Московской области.

¹⁵ ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 8.— С. 298.

¹⁶ ПСРЛ.— М.; Л., 1963.— Т. 29.— С. 138.

¹⁷ Там же.— С. 41. В. В. Каргалов считал, что в отражении татарского прорыва «решающую роль сыграла многочисленная артиллерия, привезенная воеводами на берег Оки». По его словам, турецкие пушкири проиграли «огненную дуэль» русским артиллеристам (Каргалов В. В. На степной границе.— М., 1974.— С. 98). Однако внимательное прочтение летописных известий о «стоянии на Оке» заставляет усомниться в столь значительной роли московских артиллеристов. В древнейшем и, видимо, наиболее достоверном известии Воскресенской летописи вообще нет ни слова об их действиях, сведения о перестрелке пушкарей появляются в более поздних памятниках. Да и решение крымского хана отойти от Оки трактуется не как итог удачного ведения огня, а как страх перед одним только выходом на позиции несколько припозднившегося «большого наряда» (ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 8.— С. 300–301). То, что русское войско захватило в качестве трофеев пушки хана (после его отступления), позволяет предположить, что «огненная дуэль», по образному выражению Каргалова, все-таки состоялась, и артиллерии противника были нанесены повреждения, не позволившие вывезти ее в полном составе. Но решающую роль в отражении атаки Сахиб-Гирея сыграл все-таки своевременный подход полка Д. Ф. Бельского, а не успех русских пушкарей.

¹⁸ ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 8.— С. 300.

¹⁹ ПСРЛ.— М.; Л., 1963.— Т. 29.— С. 41; ПСРЛ.— Л., 1959.— Т. 8.— С. 300.

²⁰ Там же.— С. 300–301.